

Михаил Дубровский

*пастор церкви «Дом Отца», руководитель
отдела богословия Российского
Объединенного Союза христиан веры
евангельской (пятидесятников),
исполнительный секретарь Межсоборного
Присутствия Евангельского Собора*

Соборность – следующий шаг в реформации

*Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит
церквям...*

Откровение Иоанна, 2 глава, 7 стих

Реформация всегда начинается как движение Духа. Она рождается там, где человек в поисках Бога совершает прорыв к основаниям своей веры, по-новому открывая для себя старые истины. Одновременно с этим происходит раскрытие новых, неявленных прежде смыслов: в наш мир изливается иное бытие, наполняя его музыкой Неба. В результате Бог становится «ближе», а наши отношения с Ним вновь обретают свежесть, интенсивность и глубину.

Однако реформация невозможна, если она остается **только** в сфере духа. Прорыв в Не-

Прорыв в Небеса должен быть зафиксирован в образе жизни человека и общества: мышление, труд, социальная среда – все должно быть затронуто и преобразено новым откровением

беса должен быть зафиксирован в образе жизни человека и общества: мышление, труд, социальная среда – все должно быть затронуто и преобразено новым откровением. Но при такой фиксации всегда происходит охлаждение и искажение первоначального порыва. Здесь – неизбежные искушения реформации: оставшись исключительно в сфере духа, она вырождается в

бесплодные мечтания. С другой стороны, утрата вертикального измерения приводит к тому, что реформация срывается в революцию, которая есть движение по преимуществу социальное.

Эти искушения можно преодолеть только в том случае, если реформация становится перманентной: каждый раз, воплощая в богословии, форматах жизни и служении Церкви Христа то, что рождено в Духе, мы одновременно и кладем основание, и выдвигаем требование для его преодоления на следующем шаге. Таковы рамки как наших сегодняшних рассуждений о том, что Бог делает сейчас в Своей Церкви, так и последующих шагов по практическому воплощению этих рассуждений в ее жизни и служении.

* * * * *

Реформация XVI века вернула Церкви важную библейскую истину: вера в искупительную жертву Христа – это необходимое и достаточное условие для спасения. Тем самым было восстановлено основание личных отношений человека с Богом. Есть предчувствие, что задача сегодняшнего дня – это восстановление изначального образа *народа Божьего* – Церкви, а также – соборности как подлинного содержания жизни Церкви.

Церковь как «собрание благородных мужей»

Прежде чем говорить собственно о соборности, нужно сделать несколько предварительных замечаний о Церкви как таковой. Мы не должны забывать, что Церковь – это элитарное сообщество. Изначальный смысл понятия $\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$, которое переведено на русский словом «церковь» – это собрание граждан ($\delta\epsilon\mu\omicron\sigma$) города, т.е. – высшая власть в древнегреческой форме демократии. Сегодня, когда мы слышим слово «демократия», на ум приходят такие понятия, как «всеобщее избирательное право» и т.п. Но в древнегреческом полисе правом участвовать в $\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$ обладало не более десяти (чаще – намного меньше) процентов всех жителей! Ни женщины, ни рабы гражданских прав не имели и в $\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$ участия не принимали. На собрании граждан решались все основные вопросы жизни города: выбор исполнительной власти, объявление войны или заключение мира, цены на основные товары, другие вопросы внешней и внутренней политики. Таким образом, $\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$ определяла жизнь всех жителей греческого полиса. Вот почему византийский историк XII-XIII в.в. Никита Хониат пишет, что «город – это не стены и башни, а собрание ($\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$) благородных мужей».

Авторы Нового Завета неслучайно выбирают именно это слово для описания сообщества христиан. Ранняя Церковь состоит из людей не самого высокого происхождения. Павел пишет, что среди верующих «не много благородных» (1Кор.1:26); но Бог избирает тех, кого не приглашали на $\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$, и делает из них Божий народ, $\beta\eta\lambda\eta\sigma\iota\alpha$ Христа! Из этих людей (включая и рабов, и женщин) Бог создает привилегированное сословие, элиту, сообщает им то достоинство, которого они были

лишены прежде. Конечно, речь идет о совсем особой элите¹, поскольку стать частью Церкви может каждый, а также потому, что эта элита формируется по принципу «большой из вас да будет всем слугою» (Мк.10:43,44). Но эти слова Христа не отменяют элитарности: быть частью такого сообщества – высокая честь и не менее высокая ответственность! Ведь принадлежность к ἐκκλησία означает необходимость принимать решения, которые влияют на судьбы других людей (того большинства, которое лишено этой привилегии), и разделять полноту ответственности за последствия принятых решений.

Представление о том, что Церковь Христова элитарна (в указанном нами смысле), чрезвычайно важно для дальнейших рассуждений, поскольку требование соборной жизни и связанная с ним ответственность – это требование к людям, способным на Поступок, на сверхусилие, позволяющее подняться над собой. Это требование нельзя предъявлять толпе, но оно является необходимым по отношению к тем, кто принадлежит «собранию благородных мужей», кто претендует на то, чтобы быть частью ἐκκλησία Христа. И все наши дальнейшие рассуждения будут строиться с учетом этого представления.

Соборность возникает тогда, когда удерживаются три фокуса: личность, сообщество и Бог, взятые в отношениях и взаимодействии друг с другом

Соборность и Другой

Теперь попробуем прояснить, что имеется в виду под «соборностью». Соборность – понятие, богословски проработанное слабо, но уже изрядно затасканное. Впрочем, употребление того или иного понятия к месту и не к месту часто стимулирует поиски его истинного значения, способствует очищению драгоценного металла от примесей. Следуя логике таких поисков, я предлагаю к рассмотрению некоторые рабочие гипотезы соборности, не претендуя на обнаружение окончательного и точного смысла, но надеясь, что такое рассмотрение станет еще одним шагом к прояснению этого понятия.

Я понимаю под соборностью такую форму жизни², при которой происходит наиболее полное раскрытие личности каждого человека в его отношениях с Богом, а его таланты и способности наилучшим образом служат другим людям и сообществу в целом, благодаря чему реальность Царства Божьего является в этом мире.

¹ Слово «элита» я употребляю в его первоначальном значении – «лучший». Еще одно определение – это люди, живущие не по стечению обстоятельств, а по закону чести.

² В данном контексте выражение «форма жизни» следует понимать в философском, а не в биологическом смысле: Форма как то, что позволяет проявиться содержанию, актуализирует его.

Соборность возникает тогда, когда удерживаются три фокуса: (1) личность, (2) сообщество и (3) Бог, взятые в отношениях и взаимодействии друг с другом. Разрыв любой из связей приводит к разрушению соборности (к историческим примерам такого разрушения мы обратимся ниже). И в этом смысле соборность есть продолжение Боговоплощения: действия Бога по преображению человечества.

Можно выразить соборность и иначе: как воплощение заповеди Христа о любви к Богу и к ближнему. Причем «ближний» в этом случае должен пониматься достаточно широко. Это и мой брат во Христе, в том числе – принадлежащий другой конфессии. И мой брат «по человечеству» – образ, отраженный в притче Христа о добром самарянине, которую в современном московском контексте нужно было бы рассказывать как «Притчу о добром кавказце».

Размышляя о соборности в свете этой заповеди, мы можем утверждать, что для подлинной соборности *необходим* Другой, тот, кто отличен от меня. Соборность *требует* многообразия: богословского, организационного, многообразия форм поклонения Богу и служения людям. Единообразие порождает не единство, а стагнацию. Различия между общинами и даже внутри общин существовали уже в первом веке – достаточно вспомнить ситуацию с избранием семи дьяконов (Деян. 6:1) и Апостольский Собор (Деян.15). И если мы сегодня стремимся к восстановлению Божьего замысла о соборности Церкви, нам нужно поощрять разнообразие, развивать взаимодействие между различными общинами, конфессиями и деноминациями. Нам необходим диалог в первую очередь с теми, кто отличен от нас!

Более того, истинная соборность Церкви невозможна, если мы как Тело Христово не вступим в подлинный диалог с носителями других мировоззрений, как светскими, так и религиозными. Мне кажется, образ самарянина в уже упомянутой притче служит именно этой цели. Ведь если можно было бы в рассуждениях о «ближнем» ограничиться рамками только своей религии, на месте самарянина фигурировал бы фарисей (скорее всего, первые слушатели притчи ожидали именно такого поворота сюжета!). История Церкви показывает, что везде, где христиане были готовы к подлинному, уважительному диалогу, Церковь только выигрывала. Уважительное отношение к древнегреческой философии позволило сформулировать догмат о Троице и использовать инструментальный язык мудрости для проповеди о Едином Боге. Всерьез приняв вызов гуманизма, Церковь смогла подняться над ограничениями средневекового богословия и тогдашних форм поклонения Богу. Второй Ватиканский собор – это результат открытого диалога с современным обществом. Но всякий раз, когда мы ведем разговор свысока, считая своего собеседника недостойным уважения, мы проигрываем. Так было и с вызовом ислама в VII веке, и с зарождавшейся наукой. По сей день Церковь так и не смогла найти верную позицию в отношении этих вызовов. Сегодня, когда мы говорим о соборности, нам нужно учесть эти уроки и серьезно задуматься о том, кто для нас является Другим внутри и вне Церкви. И найти такие формы диалога, которые позволят нам

разговаривать друг с другом с уважением, но не идти на компромисс в наших убеждениях.

Апостол Павел выражает идею соборности через образ Тела: мы соединены в единый Организм, но уникальность отдельного человека не теряется – напротив, именно во взаимосвязи с другими частями Тела мы достигаем полного раскрытия заложенного в каждом из нас потенциала. И тогда через Тело Христа как единое целое в нашем мире проявится реальность Божьего присутствия.

Все эти иллюстрации призваны показать, что соборность – это *образ жизни* народа Божьего, а не некий способ его организации. Для подлинной соборности необходимо, чтобы каждый христианин был полноценно (в соответствие со своими дарами и призванием) включен в жизнь Церкви. Именно такая включенность позволит Святому Духу действовать среди нас, и мы сможем уверенно сказать: «угодно Святому Духу и нам» (Деян. 15:28). Тогда – и только тогда – жизнь Христа будет проявляться в Теле Христовом.

Итак, соборность и есть выражение жизни Христа в мире: как через отдельную личность, так и через сообщество христиан. Это и означает быть Его свидетелями, являть реальность Бога в этом мире через наши жизни, отношения и деятельность³. И по тому, насколько будет виден Бог, явленный Церковью нашему миру, мы сможем судить о том, насколько соборно живет Церковь! Скажу жестче: если в конкретном городе (стране, народе) мы не видим проявления Божьего присутствия в общественной жизни, это свидетельствует об отсутствии подлинно соборной жизни Церкви в городе, стране или у народа.

Изначально соборность *дана* Церкви как образец и *задана* как ориентир ее жизни. Но исторически этот ориентир почти никогда не удерживался. В нашем стремлении быть верными Истине мы почти всегда отвергали Другого – либо изгоняя его, либо «принуждая к компромиссу»⁴. Так происходило даже на Вселенских Соборах, которые, при всей гениальности богословских прозрений, не смогли удержать подлинной соборности! Методы, которые применялись для убеждения «еретиков» – яркое свидетельство тому, в каком духе велась борьба с инакомыслием. Разные позиции, точки зрения, разные традиции – все *иное* воспринимается как угроза единству. И до сих пор такой подход остается свойственным даже самым искренним христианам! Насколько поразительна разница с Апостольским Собором, где *иной* не отвергается, а принимается как свой. Видимо, у Апостолов еще была жива память о

³Вспомним слова Христа: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» Ин. 13:35

⁴По аналогии с популярным ныне «принуждением к миру», которое всегда происходит либо путем применения военной силы, либо угрозой ее применения

том, как Господь встретился с некоторыми из них на дороге в Эммаус в *ином облике* (Мк. 16:12; Лк. 24:13-31)!

Отвержение Другого привело к ослаблению Церкви и потере ею энергии. Энергии интеллектуальной, поскольку отпала необходимость оттачивать разум в глубоких богословских спорах об основаниях собственной веры. Духовной, поскольку вызовы, требовавшие духовного подвига, разрешались апелляцией к власти кесаря. Нравственной, поскольку компромисс с собственной совестью лишал силы осолять и преобразовывать мир. И это неблагополучие не изжито Церковью до сих пор! Вот почему нам нужна проблематизация истории Церкви, включая эпоху Соборов: она необходима, чтобы восстановить в Церкви соборность в изначальном, апостольском понимании этого слова!

Первый шаг, ведущий к восстановлению соборности – увеличение разнообразия внутри самой Церкви, признание различий между христианами как богатства Церкви, как ресурса для движения в будущее. Нам нужно увидеть единство Церкви Христовой во множестве вероучительных, литургических и организационных форм. Эта задача требует подлинного восстановления принципа всеобщего священства, что в пределе означает: каждый христианин представляет всю Церковь! И только в случае такого восстановления можно говорить о *соборности* в полном смысле слова. Увеличение разнообразия приведет к росту энергии, а значит – способности работать и с онтологически Другим. Оно поможет христианам снова встретиться с вызовами ислама и науки, на которые мы пока так и не ответили. Обрести силу быть свидетелем Христу в секулярном мире.

Локусы соборности

Почему о восстановлении соборности нужно думать именно сейчас? Формы церковной жизни, служения, языка и мышления должны быть адекватны тому миру, в котором Церковь находится и которому призвана нести Радостную Весть. А потому глубокие социальные перемены, потрясающие сегодняшний мир, с необходимостью приведут к изменениям в Церкви. При этом накануне серьезных парадигмальных сдвигов довольно часто можно зафиксировать появление локусов будущего – предвестников будущих изменений. По этим локусам можно предположить, какие именно перемены нас ожидают. На мой взгляд, имеется довольно много свидетельств, что восстановление соборности – это Божий план для Церкви нашего времени:

Известно, что ученые и философы нередко различают предвестники отдаленных социальных перемен. В этой связи особенно интересно

отметить, что для русской религиозной философии тема соборности была одной из основных⁵.

Можно заметить, что последние пятьдесят лет в мире происходит движение за единство Церкви⁶; при этом конфессиональность сохраняется, но перестает быть основным маркером идентичности.

В Церкви наблюдается и растущий интерес к Другому: другой общине, другой конфессии, другой религии, другому мировоззрению; христиане становятся все более открытыми для диалога, и это происходит на всех уровнях – от отдельного христианина до больших объединений⁷.

Подчеркну: это лишь локусы, ростки нового. Пока еще они не являются мейнстримом, не эти вопросы определяют повестку дня большинства христианских форумов. Но именно этим они и интересны, поскольку показывают тенденции завтрашнего дня.

Отметим, что о движении по направлению к соборности свидетельствуют тенденции, проявляющиеся не только в Церкви, но и в обществе. В качестве примера можно привести командные/коллективные формы организации работы и мышления, так сказать, «снятые» формы соборности. От подлинной соборности они отличаются отсутствием вертикального измерения, которое связано с Боговоплощением и Богообщением и необходимо для соборности настоящей. Поэтому нам важно удерживать различие «община веры – общество», в противном случае мы потеряем способность осолять этот мир и заквашивать его Царством Божиим.

Тем не менее, социальные тенденции также свидетельствуют о запросе на «соборность». Более того, складывается очень неожиданная ситуация, когда Церковь получает возможность оказать существенное влияние на формы социальной жизни, предложить миру свои образцы социальности. До сих пор было наоборот: Церковь копировала формы организации с тех, которые были приняты в обществе. Так было в Римской империи (епископальная структура следовала за административным делением Империи), так было и с формами существования протестантских церквей в СССР. Неслучайно пресвитерианская модель рождается не в княжеской Германии, а в Швейцарии, и неслучайно она легче всего распространяется в странах с республиканским строем.

⁵Упомянем такие имена как Хомяков А.С., Соловьев В.С., Бердяев Н.А. Стоит отметить, что характерной чертой русской религиозной философии является переосмысление самого понятия «соборность» (греч. καθολικὴ - вселенский). См., например, Хомяков А.С. «Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита»

⁶В качестве примеров можно привести создание Всемирного Совета Церквей, Лозаннское движение за всемирную евангелизацию, общину Тезе, проект совместного католическо-протестантского празднования 500-летия Реформации. Эти тенденции заметны и на поместном уровне, когда общины, принадлежащие к различным конфессиям, вместе осуществляют социальные проекты и даже проводят совместные богослужения.

⁷Упомянем Второй Ватиканский собор, 50-летний юбилей со дня открытия которого будет праздноваться 11 октября 2012 года

Можно привести и другие такие примеры. Но сегодня вполне возможно обратное. И если Церковь сумеет предложить миру свои образцы мышления (о чем уже была речь на этой конференции⁸), новые, адекватные будущему, формы организации общества (о чем мы говорим сейчас) и деятельности (что точно является задачей после разрушения протестантской модели трудовой этики, и эту задачу надо воспринимать всерьез), то она сможет оказать значительное влияние на формирование образа жизни будущего!

Что надо сделать?

Соборность возникает тогда, когда на действие Святого Духа есть деятельный отклик человека. Необходимы наши усилия, чтобы замысел Божий мог воплотиться в мире. Работа по восстановлению соборности включает в себя несколько уровней.

В первую очередь, это богословская работа. Нужно предложить иную (неконфессиональную) христианскую идентичность, которая, с одной стороны, задавала бы необходимые основания веры, а с другой – лишала бы смысла тот разговор о Христе и Церкви, который ведется в узкоконфессиональном ключе. Преодоление конфессиональной замкнутости и ограниченности и удержание представления о Церкви как единой в многообразии – одна из основных задач на пути к подлинной соборности!

Преодоление
конфессиональной
замкнутости и
ограниченности
и удержание
представления о
Церкви как единой в
многообразии – одна из
основных задач на пути к
подлинной соборности.

Необходимо также проделать работу по прояснению самого понятия «соборность», раскрыть его смысл и определить критерии. И попытаться дать ответ на вопрос, что и при каких условиях можно считать проявлением подлинной соборности. Мысль А.С. Хомякова о том, что не там Святой Дух, где собор, а там Собор, где Дух Святой, абсолютна верна, но столь же и бесполезна, поскольку требует определить критерии подлинного присутствия Святого Духа на том или ином собрании. А это, пожалуй, намного сложнее, чем разработать критерии настоящей соборности.

Во-вторых, необходимо найти формы воплощения соборности в церковной жизни. На сегодня мы можем говорить о проведении особых мероприятий (соборов), позволяющих применять некоторые из соборных принципов на практике: ценность Другого, всеобщее священство и т.п. Но нужно идти дальше: соборность должна найти свое воплощение не только в отдельных мероприятиях, но и в повседневной жизни Церкви, должна быть зафиксирована в организационных формах, символике, литургике, архитектуре...

⁸См. статьи Михаила Черенкова и Сергея Перелегина в настоящем сборнике.

Наконец, соборность требует особых форм духовной работы. Апостол Павел пишет: «Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию» (1Кор.14:26). Как воплотить это апостольское наставление в молитвенной жизни современных общин? Что нужно сделать, чтобы в итоге мы могли уверенно сказать: «угодно Святому Духу и нам» (Деян.15:28)? Мы знаем, что «Дух дышит, где хочет» (Ин.3:8). Какая духовная практика позволит нам открыть Его реальность здесь и сейчас? Что поможет каждому из нас открыться навстречу реальности Неба? Ведь только в том случае, когда мы вместе (каждый из нас и мы как целое) предстоим Лицу Божьему, и возникает подлинная соборность. И только тогда является подлинная природа Церкви – Христова Тела и Божьего Храма – посреди этого мира. И только так мы становимся свидетелями Иисуса Христа.